

ПЕРВЫЙ АРХТЕКСТ¹ О ВОЗВЫШЕННОМ: ПСЕВДО-ЛОНГИН

Иван Джепароский

Университет им. св. Кирилла и Мефодия, Македония

The objective of this article is to reconsider the main ideas of Pseudo Longinus' book «On the Sublime», the work in which for the first time, twenty centuries ago, and the category of sublimity was analyzed. Today, at the beginning of the new millennium the sublime is in fashion. On the one hand, that is the reason why we are witnessing increased theoretical interest for the sublimity, and on the other hand this is the result of rereading the ideas of Pseudo Longinus, which are now being interpreted as successful connection between rhetoric, theory of literature and aesthetics. All this contributes to the fact that the work of Pseudo Longinus «On the Sublime» is considered as one of the three or four arche-texts (together with those of Edmund Burke, Immanuel Kant and Jean-François Lyotard) in regard with the notions of *the sublime* and *the sublimity*. This is a text without which even today one can not imagine the researches neither in the field of aesthetics, nor theory of literature, or rhetoric.

В истории эстетики, риторики, а также теории литературы и литературной критики обнаруживаются различные подходы к категории *возвышенного*². Возвышенное чаще всего рассматривается в соотношении с категорией *прекрасного*, а точнее, определяется как одна из многочисленных составляющих прекрасного, вероятно, наиболее существенная. Для многих философов и эстетиков возвышенное – это не самостоятельная эстетическая категория, а только часть категории прекрасного (Hartman 1968). Для других же, начиная с Эдмунда Берка (Burke 1998) и Иммануила Канта (Kant 1975) и заканчивая Жаном-Франсуа Лиотаром (Lyotard 1984), возвышенное – абсолютно независимая категория, с собственными признаками, отличающими ее от прекрасного.

Взаимосвязь прекрасного и возвышенного становится заметной еще в эпоху первого интегрального подхода к анализу эстетической

© И. Джепароский, 2006

¹ Архетекст (от греч. αρχή «начало») – первичный текст, образец (*прим. переводчика*).

² В македонском языке для обозначения этой категории используются два однокоренных термина «возвышеност» (сущ.) и «возвышено» (прич.). Переводчик трактата Псевдо-Лонгина на македонский язык выбирает лексику «возвышеност» (сочинение на македонском языке называется «За возвышеноста» (Псевдо Лонгин 2004)), для того чтобы дифференцировать понятия «возвышеноста» и «возвышеното», как это было у Псевдо-Лонгина. Однако в переводах на другие языки, например, на английский и хорватский, это различие не учитывается (Dorsch 1965; Smerdel 1980). *Прим. переводчика* – в русской эстетической традиции принят термин «возвышенное».

категории возвышенного. Речь идет о теоретико-литературном трактате «О возвышенном» (Peri Hypsous), написанном предположительно в первой половине I в. н.э. Вопрос об авторстве этого сочинения, дошедшего до нас в поврежденном виде (недостает приблизительно трети рукописи), долгое время оставался нерешенным. Исследователи полагали, что его авторами могут быть либо Дионисий Лонгин, либо Кассий Лонгин, некоторые приписывали авторство Дионисию Галикарнасскому и даже Плутарху (Encyclopaedia Britannica 1996). Как бы то ни было, трактат «О возвышенном» вплоть до середины XX в. ошибочно приписывался философу-неоплатонику Лонгину, который, как известно, жил в III в. н.э. И если еще можно понять ошибки Бернара Бозанкета и Бенедетто Кроче, если принять во внимание, что их сочинения «История эстетики» и «Эстетика» вышли в 1892 г. и 1901 г. (Bosanquet 1892: 104; Croce 1991: 293), то удивляет тот факт, что во втором издании «Истории эстетики» Катерины Гилберт и Хельмута Куна 1954 г. все еще говорится о Лонгине, а не о Псевдо-Лонгине (Gilbert-Kun 1969: 93). В настоящее время доказано, что Дионисий Лонгин, живший в III в. н.э., не может быть автором сочинения. И в связи с невозможностью определить имя автора трактата принято определение Псевдо-Лонгин как наиболее нейтральное (Tatarkiewicz 1970: 235; Боров 1997: 117; Граси 1974: 177; Яковлев 1999: 51). При всем этом еще более странным кажется, что англичане, вероятно, по причине своего косного традиционализма, до сих пор говорят о Лонгине, а не о Псевдо-Лонгине (Longinus 1965; 1999)!

Несмотря на до сих пор невыясненную ситуацию с определением авторства текста (это обусловлено тем, что самый ранний сохранившийся список относится к X в., а впервые трактат был опубликован только в 1554 г.), все-таки можно определить время его создания, потому что в сочинении говорится о состоянии литературы и риторики в I в. н.э. (Smerdel 1980: 69-70; Tatarkiewicz 1970: 171). Поэтому удивительной кажется точка зрения сербского эстетика Сретена Петровича, который в большинстве изданий своей «Эстетики» хотя и говорит о Псевдо-Лонгине, а не о Лонгине, относит трактат к III в. н.э. и начинает с него обзор истории средневековой эстетики (Petrović 1994: 124). Но наиболее конфузной, на наш взгляд, является позиция Мэри Мадерсил, которая не только называет автора Лонгином, но и перемещает его во II в. н.э. (Mothersill 1992: 407)!

Следует также отметить, что поворотным моментом в восприятии сочинения Псевдо-Лонгина стало появление в 1674 г. вольного перевода французского классициста Никола Буало, опубликованного

вместе с комментариями в 1694 г. (*Reflexions Critiques sur Quelques Passages du Rheteur Longin* 1694/1713). Буало не занимает проблема взаимодействия возвышенного и природы (об этом позднее заговорят в сочинениях по эстетике английские и немецкие философы и представители романтизма), он, как и Псевдо-Лонгин, обращается к проблеме возвышенного в искусстве, а особенно к проблеме «высокого искусства», к анализу трагедии в контексте знаменитой дискуссии о ценности «старого» и «нового». Буало становится на сторону авторов древности, апеллируя к сочинению Псевдо-Лонгина.

В дальнейшем, в английской философии XVII в., а особенно после выхода книги Эдмунда Берка «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757 г.), категория возвышенного становится еще более актуальной. Следующий ключевой этап ее развития – появление сочинений Иммануила Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764 г.) и «Критики способности суждения» (1790 г.), третьей критики Канта, включающей главу «Аналитика возвышенного». В первой половине XIX в. наблюдается интерес к категории возвышенного (например, в «Эстетике» Гегеля), во второй же половине XIX в. он идет на убыль лишь во второй половине XX в. с появлением трудов философа-постмодерниста Жана-Франсуа Лиотара (Lyotard 1982; 1984; 1994). Такой поворот событий и повторное возвращение к категории возвышенного как в эстетике, так и в философии в целом позволяет утверждать, что «возвышенное вновь в моде» (Nancy 1993: 25). И хотя современный эстетик Пол Кротер полагает, что три ключевых теоретических «архетекста» о возвышенном – это тексты Псевдо-Лонгина, Берка и Канта (Crowter 1993: 115), на наш взгляд, следует включить в этот ряд и постмодернистское «возвышенное» Жана-Франсуа Лиотара. Его текст в определенном смысле тоже можно считать архетекстом, хотя с момента появления теории Лиотара не прошло и трех десятилетий.

Но вернемся к теоретическим истокам возвышенного, к сочинению Псевдо-Лонгина, а анализ категории возвышенного у Берка, Канта и Лиотара оставим до следующего подходящего случая.

Первоначально возвышенное осмыслялось не как эстетическая категория, а как стилистическая категория риторики. Так возвышенное понималось в недошедшем до нас трактате «О возвышенном» греческого ратора Цецилия (Cecilius). Этот трактат Псевдо-Лонгин упоминает в самом начале своего сочинения, он полемизирует с Цецилием и критикует его правила возвышенного стиля, технику ораторской речи и классификацию стилистических фигур и тропов.

Вероятно, именно поэтому польский филолог Тадеуш Синко в монографии «Три классические поэтики» (Sinko «Trzy poetyki klasyczne», 1951 г.) предложил называть Псевдо-Лонгина Псевдо-Цецилием, имея в виду антицецилианскую направленность сочинения Псевдо-Лонгина (цит. по: Tatarkiewicz 1970: 235).

Автор сочинения «О возвышенном», которое мы можем назвать литературно-эстетическим трактатом по риторике и стилистике, в ряде случаев определяет возвышенное как «возвышенную речь», или «высокий стиль». Однако одновременно он расширяет значение возвышенного до значения эстетической категории, говорит о его божественной природе, о величии человеческой души, без которой невозможно создать великое произведение. В гл. 8 (§ 1) сочинения возвышенное в речи и в стиле связывается с рядом природных способностей человека, среди которых важнейшими являются пять:

Первым и важнейшим признаком следует признать способность человека к возвышенным мыслям и суждениям. Это я уже отмечал в своем сочинении о Ксенофонте. Вторым признаком является сильный и вдохновенный пафос. Если первые два признака связаны с природными способностями человека, то три последних приобретаются в учении. К ним относятся сочетание определенных языковых фигур мысли и речи и те благородные обороты, которые в свою очередь достигаются отбором слов и выбором речи, богатой тропами и художественно отделанной; наконец, пятым признаком возвышенного, включающим в себя все четыре предыдущих, служит правильное и величественное сочетание всего целого (Псевдо-Лонгин 2004: 47-48)³.

Структура сочинения Псевдо-Лонгина полностью подчинена описанию сущности возвышенного через анализ этих пяти признаков. Приводятся примеры пяти источников возвышенного. Первый и важнейший признак – глубина мысли, позволяющая создавать великие литературные творения (главы с 8-й по 15-ю). Этот признак иллюстрируется примерами из Гомера, «Книги Бытия», Сапфо и Платона. Затем Псевдо-Лонгин переходит ко второму источнику возвышенного – «способности иметь сильный и вдохновенный пафос». Однако о втором признаке он не говорит подробно, обещая посвятить ему отдельное сочинение. Третий источник возвышенного – это способность умело использовать стилистические и риторические фигуры (16-29-я главы). Псевдо-Лонгин показывает, какую фигуру речи следует применять в том случае, когда необходимо привлечь

³ Псевдо-Лонгин цитируется по изданию: О возвышенном / Перевод, статьи и примечания Н.А. Чистяковой. М.; Л.: Наука, 1966 (прим. переводчика).

внимание собеседника, и сделать это так, чтобы он не заметил. Четвертый же источник мы обнаруживаем в «отменной речи», что означает уместное использование метафор и других стилистических фигур (30-38-я главы). И пятый источник возвышенного – «сочетание слов и предложений» – достойная и величественная композиция позволяет успешно объединить отдельные элементы в упорядоченное органическое целое. А в конце сочинения Псевдо-Лонгин называет причины, приводящие к снижению и осквернению впечатления от возвышенного, это может быть несоответствие ритмов, близость их к плясовым, вычурность фраз, низкие и непристойные слова, приводящие к тривиальности выражения и, наконец, «равнодушие рабской души» (41-44-я главы).

Однако помимо объемных пояснений источников возвышенного в трактате Псевдо-Лонгина содержится ключевая идея – интерпретация возвышенного как *отзвука величия духа*. «Величие духа» проявляется в духовной и изобразительной мощи писателя. Подход Псевдо-Лонгина можно назвать субъективным (впервые после софистов, Платона и Плотина), он убежден, что возвышенное в литературе определяется именно творческими потенциями автора, а не характеристиками художественного произведения. Величавость мысли анонимный автор трактата «О возвышенном» обнаруживает прежде всего у Гомера, Демосфена и Платона, их произведения являются примерами воплощения «величия духа». В отличие от последователей объективистского подхода, например, Аристотеля, полагавшего, что красота и успешность художественного текста заключается в нем самом, в его формальных и технических характеристиках, Псевдо-Лонгин связывает красоту прежде всего с субъектом, его внутренним вдохновением, а источники вдохновения ищет в *эмоциональных* (пафос, страсть, чувство), *творческих* (фантазия, изобразительная сила) и *духовных* силах автора, или, если использовать новейшую эстетическую терминологию, в *акте творчества*.

Идеи, высказанные Псевдо-Лонгином, позволяют отнести его к платоновско-плотиновскому направлению в эстетике. Невозможно иметь или создать возвышенный стиль, не обладая возвышенной душой и духовностью, благородными страстями, «природной возвышенностью» и «благородной вдохновенностью» (гл. 9, § 1). Но в ряде случаев Псевдо-Лонгин говорит о возвышенном как об «объективном», об общечеловеческой категории. Подтверждение этой мысли мы находим в гл. 7 (§ 4):

Итак, считай прекрасным и возвышенным только то, что все и всегда признают таковым. Когда люди, различные по профессии, по

образу жизни, по склонностям, возрасту и образованию, едины во мнении, возникает то общее, не predetermined заранее суждение, которое является бесспорным ручательством подлинно возвышенного (Псевдо-Лонгин 2004: 46).

Мы можем назвать художественное произведение «возвышенным» только в том случае, когда оно связано с высшей сферой бытия, с возвышенной душой, а произведение считается удачным тогда, когда оно создано духовно возвышенным художником. Именно поэтому Псевдо-Лонгину чужды взгляды стоиков и Цицерона, он не приписывает художественному произведению никаких внешних, педагогических или морализаторских задач. Истоки художественного творчества он, подобно Платону или Плотину, видит в трансцендентном мире, где творцами возвышенного являются Эрот или Единое⁴. Так, Эрнесто Грасси констатирует, что «речь идет о позиции Платона, все еще достаточно влиятельной в период поздней античности» (Грасси 1974: 179). Вероятно, это и позволило Юрию Борову утверждать, что, по Псевдо-Лонгину, «переживание возвышенного приближает человека к божественному» (Боров 1997: 118), и связать идеи Псевдо-Лонгина с учением Ансельма Кентерберийского о Боге как наивысшем бытии. Эти идеи легли в основу средневековой эстетики, ключевым положением которой стала мысль о божественной природе возвышенного. Они имплицитно содержатся в следующем отрывке (гл. 35, § 2-3):

О чем же думали величайшие писатели, когда, стремясь к величию целого в своих речах, забывали подчас о тщательности в отделке мелочей? Причин этого немало, но среди них была одна, главная. Ведь природа никогда не определяла нам, людям, быть ничтожными существами – нет, она вводит нас в жизнь и во вселенную как на какое-то торжество, а чтобы мы были зрителями всей ее целостности и почтительными ее ревнителями, она сразу и навсегда вселила нам в душу неистребимую любовь ко всему великому, потому что оно более божественно, чем мы.

Поэтому человеку недостаточно охватить созерцанием и размышлением всю вселенную; нашим мыслям тесно в ее пределах, и если кто-нибудь поразмыслит над ходом человеческой жизни, насколько в ней во всем преобладает великое и прекрасное, то ясна станет цель нашего рождения (Псевдо-Лонгин 2004: 114).

⁴ Единое, центральное понятие неоплатонизма, трансцендентное безличное первоначало, превышающее все сущее и все мыслимое. Намечено у Платона, развито Плотинином (прим. переводчика).

Однако не следует забывать, что понятие возвышенного прежде всего формируется в античной риторике: возвышенный стиль считался важнейшим из трех стилей речи, он определялся как великий (*grandis*) и серьезный (*gravis*). Эти характеристики в античный период отождествлялись (Tatarkiewicz 1980: 171). Именно со времен Псевдо-Лонгина в эстетике помимо категории прекрасного серьезно заговорили о категории возвышенного. И в риторике, и в поэтике «величие души противопоставлено точности и красоте внешней формы», «изначальная возвышенность всегда духовна, она и вызывает восторг слушателей» (Gilbert-Kun 1969: 93-94).

Но в современной эстетике вновь делаются попытки рассматривать категорию возвышенного в рамках категории прекрасного и таким образом лишить ее автономности. Речь идет о вышеупомянутой концепции Мэри Мадерсил, автора книги «Возрожденная красота» (Mothersill 1984). Мэри Мадерсил приходит к выводу, что, несмотря на все попытки Берка и Канта разграничить прекрасное и возвышенное, мы вновь возвращаемся к учению Псевдо-Лонгина (в ее трактовке) о том, что «возвышенное относится к области стиля и чувства и должно оставаться там. Можно овладеть высоким стилем и избрать возвышенную тему, однако написать плохое произведение... Ощущение духовного подъема не является знаком действительного духовного подъема» (Mothersill 1992: 411). Однако, как нам кажется, попытка Мадерсил возобновить интерес к категории прекрасного принижает эстетическую ценность категории возвышенного. Для нас категория возвышенного – это отдельная категория, обладающая очевидной спецификой. Поэтому трактат Псевдо-Лонгина следует рассматривать не только с позиции риторики, но и с позиции эстетики. Это только увеличивает ценность сочинения Псевдо-Лонгина, потому что, как отмечает польский эстетик Владислав Татаркевич, «эта книга вводит понятие возвышенного в эстетику, а эстетике возвышенное придает риторическую окрашенность» (Tatarkiewicz 1980: 172).

Именно взаимосвязь риторики, теории литературы и эстетики включает произведение Псевдо-Лонгина в ряд трех (четырёх) архетекстов, являющихся основой любой дискуссии о возвышенном. Без текста Псевдо-Лонгина даже невозможно представить изучение эстетики, риторики, теории литературы и литературной критики.

Перевод с макед. Н. Боронниковой

Библиографический список

- Bosanquet B.* A History of Aesthetics / B. Bosanquet. London: Swan Sonnenschein & Co., 1892.
- Burke E.* A Philosophical Enquiry into the Sublime and Beautiful / E. Burke. Harmondsworth: Penguin Books, 1998.
- Croce B.* Estetika / B. Croce. Zagreb: Globus, 1991.
- Crowter P.* Critical Aesthetics and Postmodernism / P. Crowter. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Dorsch T.S.* Introduction / T.S. Dorsch // Classical Literary Criticism: Aristotel: On the Art of Poetry; Horace: On the Art of Poetry; Longinus: On the Sublime. (Translated with an introduction by T.S. Dorsch). Harmondsworth: Penguin Books, 1965.
- Encyclopaedia Britannica, 1996. (CD).
- Gilbert K.E. et. al.* Istorija estetike / K.E. Gilbert, H. Kun. Beograd: Kultura, 1969.
- Hartman N.* Estetika / N Hartman. Beograd: Kultura, 1968.
- Kant I.* Kritika mohji sudjenja / I. Kant. Beograd: BIGZ, 1975.
- Longinus.* On the Sublime / Longinus // Classical Literary Criticism: Aristotel: On the Art of Poetry; Horace: On the Art of Poetry; Longinus: On the Sublime. (Translated with an introduction by T.S. Dorsch). Harmondsworth: Penguin Books, 1965.
- Longinus.* On the Sublime / Longinus. ed. and tr. by W. Hamilton Fyfe, rev. Donald Russel. London: Loeb, 1999.
- Liotard J.-F.* Lessons on the Analytic of the Sublime / J.-F. Lyotard. Stanford: Stanford UP, 1994.
- Liotard J.-F.* Presenting the Unpresentable: The Sublime / J.-F. Lyotard. Artforum, 1982. № 2. P. 64-69.
- Liotard J.-F.* The Postmodern Condition / J.-F. Lyotard. Manchester: Manchester UP, 1984.
- Mothersill M.* Beauty Restored / M. Mothersill. Oxford: Clarendon Press, 1984.
- Mothersill M.* Sublime / M. Mothersill // A Companion to Aesthetics / ed. D.E. Cooper. Oxford: Blackwell Publishers, 1992. P. 407-412.
- Nancy J-L.* The Sublime offering / J-L. Nancy // Of the Sublime: Presence in Question / ed. J.-F. Courtine et al. Albany: SUNY, 1993. P. 25-53.
- Petrović S.* Estetika / S. Petrović/ Beograd: ČIP, 1994.
- Pseudo Longin.* O uzvišenom / Pseudo Longin // Prijevod i pogovor T. Smerdel. Zagreb: GZH, 1980.
- Smerdel T.* Epilog O uzvišenom / T. Smerdel // Pseudo Longin. O uzvišenom. Zagreb: GZH, 1980.
- Tatarkiewicz W.* A History of Six Ideas / W. Tatarkiewicz. The Hague; Boston; London; Warszawa: Martinus Nijhoff-PWN, 1980.
- Tatarkiewicz W.* History of Aesthetics / W. Tatarkiewicz. The Hague; Paris; Warszawa: Mouton-PWN, 1970. Vol. I.
- Борев Ю.* Эстетика / Ю. Борев. Смоленск: Русич, 1997. 5-е изд. Т. 1.
- Граси Е.* Теорија о лепом у антици / Е. Граси. Београд: СКЗ, 1974.
- Псевдо Лонгин.* За возвишеноста / Псевдо Лонгин // превод, белешки и коментари В. Томовска-Митровска. Скопје: Магор, 2004.

Яковлев Е.Г. Эстетика / Е.Г. Яковлев. М.: Гардарики, 1999.